

КАТЕГОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. ЗИММЕЛЯ

Автор: А. Н. ГУСЕВ

ГУСЕВ Алексей Николаевич - магистрант ГУ-ВШЭ, аспирант МГИМО (У) МИД РФ.

Аннотация. Воззрения Зиммеля на социальную дистанцию рассмотрены на материале его работ: "Философия денег", "Большой город и психическая жизнь", "Социологическое значение Чужака". Понятие социальной дистанции удачно встроено в зиммелевскую интерпретацию модернизационных процессов: урбанизации, развития денежной экономики и индивидуализации. В современном глобализирующемся обществе все больше людей могут быть отнесены к выделенному Зиммелем социальному типу чужака, который выступает своеобразной персонификацией возрастания социальной дистанции и формализации отношений между людьми в больших городах.

Ключевые слова: социология Зиммеля * социальное пространство * социальная дистанция * мегаполис * урбанизация * индивидуализация * социальное отчуждение * тип чужака.

В настоящее время многие западные исследователи отмечают возрождение интереса к работам Георга Зиммеля и склонны считать его чуть ли не "постмодернистским" автором (не по эпохе, но по идеям) [1, с. 50; 2, с. 26]. И это объясняется исключительной успешностью Зиммеля в объяснении тенденций модернизационного развития, перехода от традиционного общества к современному.

Следует отметить актуальность для современной социологии зиммелевской концепции "социальной дистанции", описывающей процессы, связанные с развитием денежной экономики и с возрастающей индивидуализацией в современном обществе. Зиммель подходит к проблеме индивидуализации с разных сторон: в одних работах он обращался к ней в ходе размышлений над процессом урбанизации, в других - в процессе переосмысления концепции отчуждения, в третьих - в рамках формирования концепции социального пространства.

Сущность пространственных категорий в социологии Зиммеля

Зиммелевское понятие социальной дистанции "выросло" из рассуждений о физическом пространстве и социальных взаимодействиях. Можно сказать, что социальная дистанция характеризует социальные взаимодействия в физическом пространстве; это своего рода пространственный параметр формы, наполненной социальным содержанием. Для Зиммеля понятие дистанции не было полностью социологическим, как,

впрочем, и понятия социального пространства и социального поля у Бурдьё. Оно было обусловлено физическим расположением общественно значимых предметов и индивидов.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению социального значения понятия дистанции в работах Зиммеля, кратко обозначу те пространственные категории, без которых невозможно понимание его творчества. Р. Лехнер [3, р. 98] и Б. Верлен [4, р. 170] выделяют в социологии Зиммеля три характеристики пространственного мира, важные для изучения социального взаимодействия.

1. *"Исключительность"* физического пространства. По Зиммелю, если объект рассматривать только с точки зрения его физического расположения, а остальные свойства игнорировать, каждый объект уникален. Это совершенно естественно и логично: в одно и то же время два физических объекта не могут иметь одно и то же местоположение. Это относится и к индивидам, поскольку в физическом измерении они не отличаются от неодушевленных предметов.

2. *Подвижность (мобильность)* объекта, или, наоборот, его неподвижность влияет на систему социальных взаимодействий, привязанных к нему. Если объект неподвижен, он может послужить поводом к созданию вокруг себя социально-культурных норм, обязывающих индивида "идти к нему". В таком случае физически неподвижные объекты в социальном контексте приобретают значение "опорных пунктов социальных взаимодействий, пробуждающих у индивида религиозные чувства, которые были скрыты вследствие изоляции" [3, р. 100]. Наиболее ярким примером социально значимых неподвижных объектов выступают святые места, куда совершаются паломничества. Это связанные с библейскими сюжетами и с историей географических объектов, таких как, например, для христиан - Церковь Рождества Христова, построенная в Вифлееме в 326 г. над пещерой, где, по преданию, родился Иисус, для мусульман - Кааба в Мекке.

3. Третья выделяемая Лехнером и Верленом пространственная категория в социологии Зиммеля - это собственно *дистанция*. Наличие дистанции между объектами является прямым следствием существования первой упомянутой выше характеристики - исключительности. Если два объекта не могут одновременно занимать одно и то же место, то логично предположить, что между ними существует дистанция. Будучи социологом, Зиммель концентрирует внимание на том, как меняется социальное взаимодействие при изменении географического расстояния. По его мнению, только две формы человеческих взаимоотношений не подвержены влиянию дистанции: "чистые, объективные, безличные взаимоотношения" и взаимоотношения, "основанные на сильных чувствах". Ученый приводит в качестве примера отношений первого типа "экономические и научные трансакции", легко переводимые в формальные письменные выражения; второй тип представляют религиозные верования и любовные отношения, где дистанция может быть преодолена при помощи воображения и эмоциональной привязанности. Зиммель предлагает проранжировать все уровни социальных отношений по шкале, крайними отметками которой оказываются два упомянутые выше типа. Чем дальше отходит отношение от этих двух полюсов, тем больше оно подвержено влиянию расстояния и тем большей пространственной близости требует межличностное взаимодействие для сохранения этих отношений [4, р. 70].

В самом начале XX века Зиммель "предугадал" некоторые глубинные изменения в западном индустриальном обществе, которые в полной мере стали ощущаться в наше время. Это рост информационных и финансовых потоков, возрастание ритма городской жизни, сокращение физической дистанции между людьми при одновременном увеличении социальной дистанции, разрастание отчужденных, обезличенных форм взаимоотношений.

Категории дистанции в "Философии денег"

Наиболее обстоятельно категория социальной дистанции рассматривается Зиммелем в главе *"Философии денег"*, посвященной стилю жизни. Оно выступает здесь неотъемлемым элементом процесса формирования "стиля жизни", как пространственная характеристика этой формы обобществления.

Понятие "стиль" трактуется Зиммелем весьма расплывчато. Если рассматривать его в контексте формальной социологии, стиль - это такая форма обобществления, которая позволяет людям объединяться в группы на основе одинаковых внешних характеристик поведения. В некотором смысле, стиль жизни - это производная от социальной дистанции. "Стиль - вуаль, барьер между эмоциями субъекта и их проявлениями" [5, р. 473]. Иными словами, индивидуальный стиль - это специфическая совокупность образов, которые индивид использует для сдерживания спонтанных эмоциональных проявлений; это та дистанция, которую он создает между своими непосредственными чувствами и их выражением на людях.

Чтобы лучше понять аргументацию Зиммеля, рассмотрим его взгляды на пространственную обусловленность стиля жизни. Если мы изучаем действия конкретного человека (а категория стиля применима как к группам, так и к отдельно взятым индивидам), то важной социально-пространственной характеристикой становится организация жизненных элементов вокруг этого человека как центра. Именно здесь и возникает особый тип пространственных отношений субъекта (индивида) и объектов (предметов, других людей) - дистанция между ними. Она не только фиксирует непосредственную пространственную удаленность объектов от органов чувств индивида, но также является символом различий в отношении к разным объектам.

Подобная трактовка стиля жизни имеет место не только в теории немецкого классика, но и в современной практической социологии. Довольно часто, чтобы дать определение той или иной категории населения, современные авторы вынуждены прибегать к словосочетанию "стиль жизни" [6, с. 88]. И это неудивительно: зачастую в сегодняшних общественных реалиях не работают такие традиционные критерии групповой идентичности, как отношения господства, роль в производственном процессе или степень интегрированности в социальные институты. Значительно более адекватным критерием оказывается стиль жизни. В условиях общества потребления он включает в себя такие разнородные социологические категории, как ценностные ориентиры, расходы на развлечения, социальную самоидентификацию и организацию досуга. Поэтому столь пристальное внимание к стилю жизни со стороны современных социологов-практиков (особенно тех, кто занимается стратификацией или анализом потребительских практик) вполне объяснимо.

Более того, если мы попытаемся проанализировать категорию "стиль жизни" с пространственной точки зрения, то подобный анализ окажется очень близким к зиммелевскому. Ведь в обществе потребления одним из факторов, определяющих стиль жизни, оказывается отношение к конкретным потребляемым предметам, которое может быть выражено через пространственную метафору дистанции.

Однако Зиммель рассматривает не только собственно стиль жизни различных социальных слоев, но и достаточно абстрактные категории, на первый взгляд, далекие от социологии, а именно - различия в художественных стилях. Для немецкого социолога художественный стиль определяется тем, насколько далеко от художника и зрителя располагается изображаемый объект, т.е. дистанцией. С одной стороны, искусство приближает нас к объектам реального мира, подробно описывая отдаленные от нас явления и процессы. Ярким примером реализации этой функции в художественной литературе могут служить романы Жюль Верна (как и другие произведения приключенческого и исторического жанра), действие которых происходит в удаленных уголках Земли, труднодоступных для рядового европейца XIX века. С другой стороны, искусство отдаляет нас от реальности, когда выступает в роли дополнительного препятствия, барьера, мешающего ее непосредственному постижению. Взаимодействие этих двух функций и определяет, по выражению Зиммеля, "лицо" художественного стиля [7, с. 547].

Зиммель точно уловил современную ему тенденцию в искусстве - увеличение дистанции. Ученый приводит два примера. Первым из них является интерес к древнему искусству и к искусству далеких стран. При жизни Георга Зиммеля европейские музеи, в том числе и немецкие, начали активно пополняться привезенными из заморских колоний диковинными предметами искусства и роскоши. Вторым приводимый Зиммелем пример увеличения дистанции в искусстве - господствовавший на рубеже XIX-XX веков художественный стиль - символизм. Символистом был и друг Зиммеля, поэт Стефан Георге, творчество которого (как и большинства символистов) явилось по-

пыткой отгородиться от реальности, уйти во внутренний мир мистических переживаний.

Любую эстетическую утонченность и романтичность людей искусства Зиммель считает результатом отчуждения от природы. По его мнению, представители мира искусства стремятся изображать природу в романтических тонах во многом потому, что не имеют возможности непосредственно и постоянно контактировать с ней. По той же самой причине образованные городские жители стремятся приобщиться к высокому искусству: дистанция до него оказывается для них меньшей, чем до природы и ее первичной, неотчужденной красоты. Для Зиммеля интерес его современников к произведениям искусства одно из проявлений "пресыщенности" - состояния, характерного для жизни в большом городе с развитой денежной экономикой.

По мнению Зиммеля, наибольшая связь устанавливается между изменением социальной дистанции в человеческих взаимоотношениях и развитием денежной экономики (недаром самое подробное описание этого феномена он дает именно в книге *"Философия денег"*). Деньги - это самый надежный способ "преодолеть" большую социальную дистанцию. В первую очередь, Зиммель имеет в виду торговлю и капиталистическое хозяйство. По его словам, "только благодаря деньгам немецкий капиталист, равно как и немецкий рабочий, обеспокоены политической ситуацией в Южной Африке" [5, p. 478].

Необходимо отметить, что проведенный Зиммелем анализ феномена развитого денежного обмена нередко переосмысливается современными авторами [8, с. 56]. Это переосмысление чаще всего осуществляется с экономической точки зрения или с точки зрения "ускорения" процессов социального взаимодействия, т.е. во главу угла ставится временной фактор. На наш же взгляд, большой научный потенциал сосредоточен именно в "пространственном" аспекте зиммелевского анализа денег, проводимого с применением категории социальной дистанции.

При развитой, диверсифицированной торговле практически становится невозможным натуральный обмен, бартер; при экономическом обмене роль посредника выполняют деньги как универсальный эквивалент. Исторически сложилось так, что именно группы, которые постоянно преодолевали дистанцию как в пространстве, так и в социальных отношениях с другими группами (например, торговцы, перевозившие товары из одной страны в другую), чаще других групп имели дело с деньгами. Для них деньги являлись отчужденной формой собственности и богатства, в отличие, скажем, от землевладельцев, собственность которых имела зримое воплощение.

История формирования современного западного общества, согласно Зиммелю, являлась историей нарастающей рационализации социальной жизни, его интеллектуализации и расширения сферы денежных отношений. Роль денег как опосредующего звена в обмене собственностью постоянно увеличивается. Особенно заметна эта общая тенденция в больших городах - узловых центрах международной торговли. В них на рубеже XIX-XX веков человек практически уже не мог существовать без ежедневного использования денег. Деньги - существенный элемент всеобщей объективизации, стирающий личностное начало в общении. Также стирается и уникальность каждого предмета, оцененного в денежной форме, поскольку деньги выступают универсальным мерилем, эквивалентом стоимости [5, p. 432].

Отсюда берет начало возникновение в больших городах феномена "пресыщенности". По мнению Зиммеля, наиболее "пресыщенными" оказываются жители крупных городов, особенно в сравнении с селянами. Это качество оказывается реакцией на перегруженность от обилия впечатлений и социальных контактов, свойственных жизни большого города. Пресыщенность увеличивает отчужденность людей друг от друга и от различных предметов, увеличивает социальную дистанцию. Во-первых, в городах, где проходят крупные финансовые потоки, развито потребление и, соответственно, имеются гораздо более широкие возможности для удовлетворения потребностей в роскоши и разнообразии впечатлений, что и порождает пресыщенность. Во-вторых, без денег и пресыщенности как обезличивающих и отчуждающих факторов, увеличивающих социальную дистанцию, человек просто не выживет в условиях каждодневного непосредственного контакта с огромными массами других людей. Эта причина подробно описана в другой работе Зиммеля, в которой также идет речь о социальной дистанции. К ее рассмотрению мы и обратимся.

Роль социальной дистанции в городской жизни (по работе "Большой город и психическая жизнь")

Как уже отмечалось, многие из описанных Зиммелем социальных процессов проявились в полной мере только в наше время, а в современной ему действительности они только зарождались. Поэтому немецкий социолог не всегда имел возможность наблюдать их непосредственно (эмпирически) в окружавшей его социальной реальности, но предугадывал их развитие на теоретическом уровне.

Именно таковым оказывается зиммелевское толкование влияния городской среды на психические процессы и социальное поведение индивида, описанное в работе: *"Большой город и психическая жизнь"*¹. В этом труде ученый на абстрактном уровне описывает те эффекты большого города, которые городские жители в полной мере стали ощущать лишь в последние десятилетия. Они связаны с нарастающим отчуждением, с увеличением социальной дистанции в межличностном общении, с возрастанием роли денег в жизни людей.

Следует отметить, что Зиммель родился и прожил большую часть жизни в Берлине, который на рубеже XIX-XX веков представлял собой динамично развивающийся город. Как пишет Л. Г. Ионин, в 1880-е годы, когда Зиммель формировался как ученый, Берлин представлял собой во многом "большую деревню", где "провинциальность жизненного уклада причудливо сочеталась с прусской военно-бюрократической системой, воплотившей в себе мировой дух гегельянства" [9, с. 550]. Основными ценностями тогда были стабильность, лояльность, предсказуемость, которые Зиммель ставил под сомнение. Однако уже к началу XX столетия Берлин становится не только политической, но и экономической, а также финансовой столицей Германской империи. Как и в других растущих городах, в Берлине значительно ускорился темп жизни, увеличился поток мигрантов, старые бюрократические связи утрачивали значение, уступая место универсальному денежному обращению. Все это, безусловно, повлияло на восприятие ученым современных тенденций социального дистанцирования и формализации общественных отношений.

Любой большой город является средоточием, точкой концентрации указанных выше эффектов и социальных процессов. Метафорически, используя игру слов, его можно назвать пространственной проекцией Зиммеля. Именно здесь концепция социальной дистанции имеет практическое, почти зримое и осязаемое воплощение.

Одна из главных особенностей современной городской жизни - ментальная перегруженность от обилия социальных контактов. Быстрая смена впечатлений и событий, характерная для мегаполиса, порождает "интенсификацию нервных стимулов" [10, р. 63]. Мозг человека на физиологическом уровне не способен обеспечивать глубокое продумывание и переживание каждой сменяющейся ситуации. Поэтому происходит отчуждение человека от происходящих вокруг него событий, возрастание социальной дистанции до них. Применительно к другим индивидам нарастает "обезличенность": человек в большом городе контактирует с целыми группами, и при этом индивидуальная специфика каждого встречного на улице практически полностью стирается.

В большом городе как нигде ярко и наглядно проявляется диалектическая взаимообусловленность противоположных пространственных явлений: социальной удаленности и в то же время приближенности. Человек в большом городе постоянно оказывается лицом к лицу с огромными массами людей, он вступает в кратковременные

---

¹ Данное произведение Г. Зиммеля не переведено на русский язык, поэтому крайне трудно определиться с правильным переводом термина "Grosstadt". Самым простым и понятным вариантом кажется его буквальный перевод, т.е. "Большой город". Однако английский язык (здесь используется английский перевод) это понятие переводит как "Metropolis", т.е. метрополия. В русском языке слово "Метрополия" имеет слишком неоднозначную трактовку, так что оно вряд ли может быть использовано. В настоящее время появилось другое слово, адекватно передающее смысл авторского понятия - "Мегаполис", не имевшее во времена Зиммеля особого распространения. Поэтому в данном эссе будет использоваться именно "большой город" (иногда заменяемый мегаполисом во избежание тавтологии) как наиболее адекватный русский эквивалент немецкого термина.

связи с множеством других городских жителей. В этом отношении, т.е. в смысле концентрации многочисленного населения на относительно малом пространстве метрополия - пример невиданной прежде социальной приближенности друг к другу больших человеческих масс. Однако это лишь формальная близость. По сути же с ростом города, с ростом числа кратковременных межличностных контактов нарастает социальная дистанция между индивидами [10, p. 71].

Большой город дарует современному человеку невиданную доселе свободу в выборе социальных связей. По словам Зиммеля, все его жители - космополиты, т.е. имеют возможность (и желание) общаться, сотрудничать с жителями других крупных городов, даже с гражданами других стран. На рубеже XIX-XX веков это еще не было так естественно, как в наши дни, поэтому выделение такой специфической черты жизни большого города - важный элемент в его концепции социальной дистанции. Если рассматривать космополитизм через призму социальной дистанции, то он означает фактическое приближение к пространственно отдаленным предметам и людям, параллельно с отдалением от тех предметов и людей, которые находятся недалеко от нас в пространстве. Классический пример: житель мегаполиса может переписываться или вести дела с иностранцами, не будучи при этом знакомым со своими ближайшими соседями по дому. Иными словами, в так называемом "малом кругу неформального общения" социальная дистанция увеличивается, при этом уменьшается социальная дистанция до всех тех, кто находится далеко за пределами этого "малого круга".

Несмотря на то, что работа Зиммеля "Большой город и психическая жизнь" датирована первым десятилетием XX века, все высказанное в ней передает многие современные реалии. В мегаполисах начала XXI века мы наблюдаем возрастание отчужденности между жителями, космополитизм, а также "интенсификацию нервных стимулов". И если мы попытаемся проанализировать эти тенденции с социологической точки зрения, то одним из наиболее эффективных подходов окажется "пространственный" подход Зиммеля с использованием его концепта-метафоры "социальная дистанция".

Взаимосвязь социального типа "Чужака" с категорией "социальной дистанции"

Описанное свойство социальной дистанции в большом городе является имманентно присущим одному из зиммелевских социологических типов - чужаку. В так называемой "Большой социологии" Зиммеля есть посвященный этому социологическому типу специальный очерк [11, 12]. Характеристики "чужака" представлены также в его труде "Философия денег".

В посвященном "чужаку" очерке Зиммель пишет, что мобильность чужака лежит посередине между двумя полюсами - абсолютной фиксацией в пространстве (как, например, у крепостных крестьян) и бродяжничеством, предполагающим постоянное передвижение с места на место. Чужак по Зиммелю - это не тот, кто пришел сегодня и уйдет завтра; чужак приходит сегодня и остается завтра [11, p. 322]. Он может периодически перемещаться с места на место, однако само по себе это перемещение (по крайней мере, отдельные его точки) фиксировано в пространстве, зачастую в форме одного и того же маршрута. Зиммель часто приводит этот пример, однако само по себе это перемещение (по крайней мере, отдельные его точки) фиксировано в пространстве, зачастую в форме одного и того же маршрута. Зиммель в качестве примера *чужака* часто приводит средневековых купцов, путешествовавших между городами и странами по определенным торговым путям.

От этой двойственности происходит и противоречивость дистанционной характеристики *чужака*. Для него находящиеся на большой дистанции объекты оказываются близкими, а близкие объекты становятся далекими. Это можно проиллюстрировать на хорошо знакомом нам примере *челнока*, которому понятен и эмоционально близок далекий родной город, а та страна, куда он приехал покупать товары (непосредственно окружающая его действительность) - чужда, равно как и он чужд ей (отсюда и само наименование "*чужак*"). Этот простой пример иллюстрирует противоречивость позиции *чужака* в физическом пространстве. С.П. Баньковская справедливо отмечает

маргинальность зиммелевского *чужака* по отношению к окружающему его обществу: *чужак* оторван от существующих социальных групп. Именно поэтому ключевым критерием в определении "чужака" оказывается у Зиммеля "единство близости и удаленности" по отношению к социальной группе [13].

Концепция Зиммеля на первый взгляд кажется парадоксальной: по его мнению, *чужак* сам является элементом той социальной группы, в отношении к которой он чужд [11, р. 322]. Он жизненно необходим группе для выполнения некоторых специфических функций, которые не может выполнить никто кроме него, прежде всего - функции взаимодействия с другими группами. Торговец-купец выполнял функцию обмена товарами и информацией между древними обществами и при этом был социально дистанцирован от тех стран и народов, по территории которых проходил его караван, однако именно там он играл важную роль посредника во взаимодействии.

С течением времени роль *чужака* стала дифференцироваться, и в более сложных международных экономических отношениях потребовался специфический тип посредника, который мог быть пространственно неподвижен, однако все равно оставался чужим в том обществе, в котором жил. Самая наглядная иллюстрация, продемонстрированная самим Зиммелем, - европейские евреи. Поначалу, с позднего средневековья, им было уже не обязательно самим перевозить товары, чтобы получать прибыль, и за ними закрепилась торговая сфера. Евреи брали на себя связанные с развитием денежной системы виды деятельности, которые христианское население считало для себя недостойным, например, откупа и ростовщичество. Так к традиционному занятию еврейского населения - торговой деятельности постепенно прибавилась сфера кредитования и финансов.

Зиммель подчеркивал, что *чужак* не может быть землевладельцем. В категориях подвижности-неподвижности этот факт понятен: если *чужак* не фиксирован в пространстве, то для него затруднительно владение недвижимостью. Однако Зиммель пишет, что он имел в виду землю не только в физическом, но и в метафорическом смысле - как собственность, зафиксированную если не в пространстве, то в постоянных, стабильных социальных связях [11, р. 323]. В этом контексте оседлые *чужаки* также не могут стать земледельцами, поскольку, несмотря на свою функциональную принадлежность к обществу, они воспринимаются остальными его членами как субъекты, находящиеся вне внутригрупповых отношений.

Вслед за Зиммелем мы можем выделить несколько основных характерных черт *чужака*, которые позволяют провести параллели между его концепцией и анализом жизни мегаполиса на основе схожих рассуждений о социальной дистанции. Первую из таких черт - *мобильность* - Зиммель увязывает с исторически обусловленной свободой перемещений и свободой от фиксированной в пространстве собственности, прежде всего, от неподвижности [11, р. 323]. Мобильность можно представить еще и как свободу менять дистанцию от любого объекта в социальном пространстве. Вторая черта - *объективность* - является следствием отстраненности *чужака* от группы вследствие большой социальной дистанции между ними. *Чужак* не "укоренен" во внутригрупповых отношениях и слабо связан с интересами отдельных членов группы. Благодаря этому он может играть роль объективного стороннего наблюдателя, которому члены группы доверяют разрешение внутренних конфликтов. Зиммель приводит исторический пример: в средневековых итальянских городах существовала практика приглашения судей из других республик и других княжеств. Их считали наиболее беспристрастными, поскольку они не были связаны ни с одной из конфликтующих сторон [11, р. 324]. *Свобода от конвенций* - третья характерная черта зиммелевского *чужака*. Конвенции в данном случае следует понимать как обязательства и правила, которые приняты внутри группы и связывают ее членов, но не *чужака*. Это качество переплетено с предыдущим: имея возможность взглянуть на внутригрупповые отношения со стороны, *чужак* формирует достаточно объективную оценку. *Абстрактные отношения* - последняя из черт *чужака*, выделенных Зиммелем. Природу этого качества ученый находит в том, что члены группы могут сравнивать себя с *чужаком*, только лишь поднимаясь на более высокий уровень обобщений. То качество, благодаря которому группа идентифицирует себя как единую общность, отличную от других, не является основанием для сопоставления с *чужаком*, так как ему это качество не присуще [11, р. 325]. Если члены группы идентифицируют себя на основании национальной принадлежности, то сравнение с *чужаком*-иностранцем проводится по более

общим признакам, таким как раса, религия и т.д. Занятия самого *чужака* носят более абстрактный характер, чем занятия остальных людей; он редко бывает привязан к конкретным вещам или к практическим навыкам.

Трудно переоценить ценность анализа Зиммелем социального типа *чужака* для социологии нашего времени. В глобализирующемся обществе все больше и больше людей может быть отнесено к такому социальному типу. Это обусловлено описанными выше процессами, связанными с возрастанием социальной дистанции в условиях больших городов и расширением межкультурного обмена. Социальный тип *чужака* как раз и является своеобразной персонификацией описанных социальных процессов.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что именно полноценный анализ пространственных концептов Георга Зиммеля позволяет посмотреть на некоторые современные социальные проблемы через новое прочтение социологической классики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб: Питер, 2002.
2. *Левин Д.* Некоторые ключевые проблемы в работах Зиммеля // Социологический журнал. 1994. N 2. С. 15 - 26.
3. *Lechner F. J.* Simmel on social space // Georg Simmel. Critical Assessments / Ed. by D. Frisby. N. Y.: Rutledge, 1994. Vol. 3. P. 96 - 101.
4. *Werlen B.* Society, action and space. An alternative human geography. L.; N. Y.: Rutledge, 1993. P. 168 - 171.
5. *Simmel G.* The Philosophy of money. Ed. D. Frisby. N. Y.: Rutledge, 1990. P. 472 - 508.
6. *Осадчая Г. И.* Стиль жизни молодых горожан: трансформация и региональная дифференциация // Социол. исслед., 2002. N 10. С. 88 - 94.
7. *Зиммель Г.* Философия денег // Теория общества. М.: Канон-Пресс-Ц, 1999.
8. *Зарубина Н. Н.* Влияние денег на социальное конструирование времени. Динамика нелинейности // Социол. исслед., 2007. N 8. С. 51 - 61.
9. *Ионин Л. Г.* Зиммель: жизнь и философия // *Зиммель Г.* Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юристъ, 1996.
10. *Simmel G.* The Metropolis and mental life. Trans, by K. Wolff. N. Y.: Free Press, 1950.
11. *Simmel G.* The sociological significance of the stranger. Trans. By A. Small // Introduction to the science of sociology / Ed. by R. Park, E. Burgess. Chicago: The University of Chicago Press, 1972.
12. *Simmel G.* Soziologie. Untersuchungen fiber die Formen der Vergesellschaftung. Hrsg. von O. Rammstedt. (Ge-samtausgabe, Bd. 11). Frankfurt a. M: Suhrkamp, 1992.
13. *Баньковская С. П.* Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. 2002, N 6.